

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 20 июня 2020

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 20 de junio de 2020

No 3128

ПОЧЕМУ ПАЛО РУССКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ЦАРСТВО?

1.

События конца февраля – начала марта 1917 года, когда в период жесточайшей Первой Мировой войны, пала монархическая власть и началось всемерное крушение Православной России, навсегда остались эпохальным тёмным рубежом в отечественной истории. В нижеследующем изложении речь пойдёт не об эмпирической стороне того судьбоносного перелома, а об онтологическом смысле явления в общем контексте русской истории.

О гибели Монархии так много написано и сказано, что, казалось бы, никакое умозаключение ничего нового добавить уже не может. Однако так может казаться только на первый взгляд.

Подавляющее большинство выводов и констатаций касательно причин падения Монархии, вращается вокруг давно набивших оскомину сюжетов: «о недееспособности царского правительства», о нежелании власти призвать к управлению «общественных деятелей», о «нарастании экономического кризиса», об «отсутствии надлежащего военного руководства». Чрезвычайно востребованной в кругах русской монархической эмиграции оказалась и тема антицарского заговора, участниками которого объявлялся высший генералитет и представители политического бомонда – почти все, как утверждалось, из кругов масонов.

Каждый из указанных выводов – перечислены только базовые, наряду с которыми существует масса вариаций и комбинаций – имеет право на существование.

В бурной событийной эмпирике предреволюционной и революционной поры можно отыскать какие-то элементы и факты, подтверждающие ту или иную точку зрения.

Однако главный, системный вопрос: почему пала не просто монархическая власть, а исчезло Православное Царство – подобные умозаключения не проясняют.

В русской истории различных периодов можно отыскать немало примеров, когда и «политика была не та», и высшие должностные лица являлись «слабыми», и экономическая ситуация оказывалась невероятно сложной, и даже монархи явно не соответствовали своему высокому духовному предназначению.

Практически всегда наличествовали и разномастные ненавистники царского режима, постоянно инспирировавшие заговоры, желавшие посеять смуту и мечтавшие о ниспровержении коронной власти. При этом Царство стояло нерушимо, выдерживая натиск разнообразных врагов, как извне, так и изнутри.

Почему же именно в 1917 году Русское Царство пало?

По следам горячих событий ярче всех недоумения от грандиозного

крушения выразил в 1918 году парадоксальный Василий Розанов.

«Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса... Ну что же: пришла смерть, и, значит, пришло время смерти... Печаль не в смерти... Если нет смерти человека «без воли Божией», то как мы могли допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная «без воли Божией»? Значит Бог не захотел более быть Руси... Значит, мы не нужны в подсолнечной и уходим в какую-то ночь. Ночь. Небьтие. Могила».

Крушение «антинародного режима» в 1917 году и последующие затем страшные события протрезвили некоторых из недавних идеологов «освобожденчества», тех «властителей дум передовой интеллигенции», имена которых у многих были на слуху все предреволюционные годы.

В 1923 году известный общественный деятель П. Б. Струве восклицал на страницах парижской «Русской Мысли»: «Я понимаю, что иностранцы, даже самые благожелательные к русскому народу, могут верить в легенду о «царизме» как злом гении русского народа. Но, ни один русский человек, если он знает факты и способен их оценивать, не может уже верить в эту легенду. Русская революция её окончательно опровергла. При зловещем свете пожара русской революции русские люди вновь пережили, переживали и передумали тысячелетнюю историю своего народа и государства».

Новым пониманием истории и русского исторического опыта при «зловещем свете пожара» революции «озарился» в ту переломную эпоху не только П. Б. Струве, ставший «монархистом из русского патриотизма».

Первым удивительным актом «коллективного прозрения» оказался сборник «Из глубины», который был составлен летом 1918 года. В него вошли статьи двенадцати авторов, пятеро из которых – Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, П. Б. Струве, С. Л. Франк – являлись авторами статей сборника «Вехи», появившегося за девять лет до того, ещё в эпоху «царизма».

Фактически «Из глубины» и стал как бы вторым изданием «Вех», где почти через десять лет подводились итоги тех предсказаний и предчувствий, которые владели «духовно обеспокоенными» умами ещё в «эпоху самовластия». Итоги оказались удручающими.

Погребальные вердикты и чуть ли не проклятия неслись по адресу интеллигенции, политических деятелей либерально-демократического направления, по адресу их тактических приёмов и идеологических установок.

За крушение России на лидеров «прогрессивной общности» авторы сборника «Из глубины» возлагали не меньше вины, чем на деятелей павшей монархии. Правда, особых сожалений в 1918 году по поводу падения самодержавной системы интеллектуалы ещё не выражали. «Озарения» в этой области наступят позже, уже после поражения всего «Белого Дела».

Именно тогда началась коренная переоценка представлений, заставившая, например, П. Б. Струве на страницах парижской газеты «Возрождение» посылать свои извинения во след погибшему Царю Николаю II, за те оскорбительные выпады против Него, которые он допускал на страницах антимонархического журнала «Освобождение» в 1904-1905 годах.

Все статьи в сборнике «Из глубины» несут печать начавшейся глубочайшей переоценки деятельности всех оппозиционных власти сил, взращенных в той атмосфере «идеологии государственного отщепенства», опасность которой для государства и народа предвидел ещё Ф. М. Достоевский.

По горячим следам революции 1905-1907 годов, о том же, на страницах сборника «Вехи» в 1909 году впервые заговорили и русские интеллектуалы «либеральной» и даже «социал-демократической» ориентации, «семь смиренных», как с злой иронией назвал авторов «Вех» Д. С. Мережковский.

Узловую причину радикализма русской интеллигенции Н. А. Бердяев как раз и узрел в безрелигиозности её. «Как всякая среда вырабатывает свои привычки, свои верования, так и традиционный атеизм русской интеллигенции сделался как бы самой собою разумеющейся её особенностью, о которой даже не говорят, признаком хорошего тона».

В свою очередь литературовед и публицист М. О. Гершензон (1869-1925) откровенно констатировал враждебность народа к интеллигенции, к её образу жизни и строю мыслей и почти истерически восклицал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной».

В статье «Интеллигенция и революция» П. Б. Струве заключал, что «в безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции – ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции». Данный тезис в тот период и вызвал особенно злобные нападки со стороны недавних соратников П. Б. Струве по «освободительной борьбе».

Однако в 1918 году, уже в период политического господства шайки коммунистов-интеллигентов, сказанное в «Вехах» представлялось сбывшимся пророчеством.

Сборник «Из глубины» и можно воспринимать как коллективный и публичный акт покаяния известных представителей русской интеллигенции. Правда, каялись они не за себя и от себя, а от имени как бы «ордена интеллигенции».

В статье «Духи русской революции» недавний «марксист», а затем «розовый идеалист» Н. А. Бердяев (1874-1948) переоценивал собственные взгляды и вынужден делать немислимые ранее для него признания. По его словам, «слишком многое привыкли у нас относить на счет Самодержавия, всё зло и тьму нашей жизни хотели им объяснить. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучали себя к безответственности. Нет уже Самодержавия, а русская тьма и русское зло остались». И далее, предлагая своеобразную инверсию довода Достоевского о «тёмных глубинах души человеческой», Бердяев заключал: «Тьма и зло заложены глубже, не в социальных оболочках народа, а в духовном его ядре».

Здесь уместна небольшая ремарка. О том, что имел в виду в данном случае интеллектуал под понятием «духовного ядра» не ясно. Если же Бердяев разумел Православие, о чём он и написал позднее, то можно только поразиться степени духовного варварства, в которой пребывал человек, ставший позднее одним из известнейших русских философов. Ведь именно Вера Христова созидала и нравственный облик русского народа и выпестовала мощнейшее Русское Государство, державшие, сдерживающие и удерживающие сатанинские силы много веков.

«Тьма и зло» заключены были не «духовном ядре», а в тех духовных силах, политических направлениях и цивилизационных искушениях, которые многие века атаковали то самое «духовное ядро» народа, составлявшее основу всего русского миропорядка...

Интеллигенты в 1918 году оглашали такие суждения о недееспособности «прогрессивных сил», которые совсем недавно в их среде квалифицировали бы как «реакционные». Теперь же, лишённые защиты и покровительства так страстно ненавидимого «царизма», и оказавшись перед лицом озверелой народной толпы, «русские европейцы» содрогнулись, ужаснулись и начали бичевать всех и вся.

«Монархия рухнула поразительно быстро. Русская интеллигенция в лице её политических партий вынуждена немедленно из оппозиции перестроиться в органы власти. Тут-то её и постигло банкротство, заставившее забыть даже провал монархии», – заключал один из «отцов-основателей» конституционно-демократической («кадетской») партии, «непримиримый либерал» А. С. Изгоев (1872-1935).

Вспоминая Владимира Рудинского

Ему вторил именитый «борец за свободу» профессор-либерал С. А. Котляревский (1873-1939). «На наших глазах произошло величайшее потрясение всех нравственных устоев русского народа, и если вообще мы способны что-нибудь понимать в наших испытаниях, мы должны понять, что эти устои держались сами на более глубоком основании народной веры. Когда она разрушалась, и на месте её насаждался чудовищный культ своеволия и классовой ненависти, этим предопределялась и великая грядущая катастрофа».

В свою очередь, либеральный публицист и начальник одного из отделов МИДа при Временном Правительстве В. Н. Муравьев (1885-1932) вообще поставил под сомнение правильность традиционно-интеллигентского, западнического восприятия русской истории, которая нередко изображалась как «бессмыслица».

По постреволюционным наблюдениям автора, если вдумчиво относиться к явлениям исторической действительности, то «мы увидим, что там, где для нас нет смысла, в том значении, какое мы сейчас ищем, был все же другой смысл, сокрытый от нас нашей неспособностью его уловить. Мы увидим, что все не связанные и как будто не согласованные проявления обладали на самом деле великой действенностью, что указывает на их внутреннюю слиянность. Мы поймем, что там, где не было мысли, в европейском смысле, было, быть может, больше, чем мысль – было цельное ощущение действительности».

Здесь уже вырисовывается совершенно иной гносеологический приём в постижении русской истории, уже явно различимы признаки провиденциализма и релятивизма, характерные для христианской историософии, но которым никогда ранее не находилось места в багаже секулярного знания. Конечно, до признания Высшего Промысла, как главного творца истории, тут ещё далеко, но поворот к признанию Воли Божией как очевидного исторического фактора в подобных рассуждениях уже явно наличествует.

В русле указанной мировоззренческой трансформации, совершенно по-другому зазвучала и тема власти. «Старая русская власть была гораздо ближе к народу, чем интеллигенция. Она не только механически опиралась на народ. Она была со всем, что ее окружало и ею питалось, частью русского образованного общества, сохранившей связь со своей историей. При всех ошибках старой власти надо признать, что она до последнего дня оставалась на своем посту и сделала всё возможное, со своей точки зрения, чтобы спасти остатки завещанного ей прошлым духовного наследия», - констатировал В.Н. Муравьев.

Не менее радикальные переоценки былых мировоззренческих пристрастий продемонстрировал и «свободный философ» С. Л. Франк. Революцию он рассматривал как «Божью кару», ниспосланную России и русскому народу. Разнуданную революционную стихию он воспринял как проявление тёмных инстинктов, коренившихся в потаенных глубинах народной среды, в той подпольной, «человеческой метафизике», с такой силой и душевным содроганием описанной Ф.М. Достоевским.

А. Боханов

В советские годы в передачах зарубежных радиоголосов я довольно часто слышал упоминания об уникальной русской монархической газете, много десятилетий подряд издающейся в далёкой Аргентине. После отмены советской цензуры, а затем и краха коммунистического режима мне удалось приобрести копии вашей газеты прямо в одном из подземных переходов в Москве. Я сразу же написал в редакцию письмо, и вскоре мне начали приходить номера газеты каждую неделю, а мои письма редакция помещала среди откликов её читателей. Это происходило в начале девяностых годов, которые в нынешней России, кстати, оценивают очень по-разному. Я бы назвал их годами неслыханной ранее свободы...

Статьи и заметки за подписью Владимира Рудинского сразу же привлекли моё внимание. Они появлялись буквально в каждом номере «Нашей Страны», и касались обозрения очень интересовавших меня газет и журналов русского зарубежья, которые все прошлые годы были для меня недоступными, знакомых и незнакомых мне фамилий писателей зарубежья.

Многие в прошлом недоступные издания стали затем приходить мне прямо домой, по почте. В том числе и мюнхенский журнал «Голос Зарубежья», в котором обзоры русскоязычных журналов и книг, опять же за подписью Владимира Рудинского, занимали особое почётное место. Я писал в газету «Наша Страна», что заметки Владимира Рудинского это именно то, что меня больше всего привлекает в вашей газете. После публикации моих строк в газете... я вдруг получаю письмо от самого Владимира Андреевича Рудинского!

Вот это коротенькое письмо: «1-го января 1994 г. Многоуважаемый Владимир Иванович, Меня глубоко тронул Ваш лестный отзыв о моих статьях в «Нашей Стране». Тем более, что обычно читатели, и в частности из подсоветской России, хвалят не меня, а других сотрудинок. Очень хотелось бы знать, какие именно статьи Вам больше понравились и какие мысли Вас заинтересовали! Если у Вас найдётся к тому время и будет настроение, напишите. Мне будет очень любопытно прочесть. Во всяком случае рад видеть, что есть люди, которым моя работа представляется ценной; не мне судить, насколько справедливо... С наилучшими пожеланиями Ваш Владимир (Андреевич) Рудинский Вот мой адрес: <...>

Конечно же, я был счастлив получить письмо от знаменитого сотрудиnika «Нашей Страны». Понятно, что я ему сразу же ответил, и между нами завязалась переписка. Но, как мне показалось,

у Владимира Андреевича уже была огромная переписка, помимо его литературной и публицистической деятельности.

Так что, путаницы в письмах избежать никак не удавалось. Наша переписка прерывалась на несколько месяцев по моей вине, хотя Владимир Андреевич отвечал мне, что у нас с ним очень разные литературные предпочтения, и что он это понимает. А ответ на свой вопрос о том, кто же он - этот странный, загадочный Владимир Рудинский? - я затем узнал спустя годы, прочтя сообщение о его уходе из этой жизни... Да, действительно, наша земная жизнь очень хрупка и конечна во времени, и только одному небесному Создателю известно, когда она закончится.

Эту истину, увы, многие осознают только к концу жизни... После того, как в Израиле вышла его книга очерков «Страшный Париж», я попросил Владимира Андреевича прислать эту книгу также и мне, и очень скоро получил её, с дарственной надписью автора.

Перечитывая колонки уважаемого автора в газете, журнале, других изданиях, я каждый раз удивлялся той огромнейшей работе, которую Владимир Андреевич взвалил на свои плечи. Сколько же нужно было ему перечитать книг, толстых журналов - сначала зарубежных, а затем и советских, российских, осмыслить всё прочитанное и сделать свои собственные выводы! Но тогда я не знал, что и многие заметки под другими псевдонимами принадлежали его перу!

Тем временем, в посткоммунистической России вместо написанных деревянным казённым языком книг советских классиков, называемых ещё «совписами», стали появляться и оригинальные книги малоизвестных тогда писателей и поэтов. Осмелев от внимания уважаемого автора «Нашей Страны», я решил посылать Владимиру Андреевичу некоторые из таких книг на рецензию. Подробная его оценка одной книги в письме меня, правда, сильно разочаровала. Другие книги, по-видимому, не дошли...

Издатель «Голоса Зарубежья» Вера Пирожкова, которая впоследствии вернулась в Россию, и в последние годы продолжала выпускать свой журнальчик здесь, написала мне о странном Рудинском, который, по её словам, очень скучает по России, по Питеру, и хотел бы снова увидеть родные места, но из-за опасений о собственной безопасности никогда в Россию не поедет. Сам же Владимир Андреевич писал мне о Вере Пирожковой так:

«...С В. А. Пирожковой пришлось прервать отношения <...> потому, что она себе вообразила, будто в России наступил рай земной, и там «все довольны, все смеются». Во что я поверить никак не могу».

Честно говоря, я понимал, что те силы и те люди, которые правили нашей страной семьдесят лет, и на руках которых кровь миллионов наших соотечественников, никуда не исчезли. Эти люди, впрочем,

и начали постепенно всплывать на поверхность, с наступлением нового века и даже раньше. Я позволил себе высказаться критически о некоторых очерках из книги «Страшный Париж», чем вызвал недовольство уважаемого автора. Который, впрочем, написал мне, что у нас с ним очень разные литературные предпочтения, и что он это понимает. А ответ на свой вопрос о том, кто же он - этот странный, загадочный Владимир Рудинский? - я затем узнал спустя годы, прочтя сообщение о его уходе из этой жизни... Да, действительно, наша земная жизнь очень хрупка и конечна во времени, и только одному небесному Создателю известно, когда она закончится.

Эту истину, увы, многие осознают только к концу жизни... Я узнал, что знаменитый Владимир Рудинский, «патриарх русской зарубежной публицистики», был на самом деле Даниилом Фёдоровичем Петровым, который всю жизнь прятался от советских ишек и у которого были очень веские причины опасаться мести советских «органов». Как оказалось, Даниил Фёдорович был настоящим фанатом журналистики и литературного творчества, всё своё время и все свои довольно скудные средства посвящал любимому делу, фактически живя в нищете. Эти характеристики его личности мне, в сущности, очень близки и понятны, как и его интерес к изучению языков.

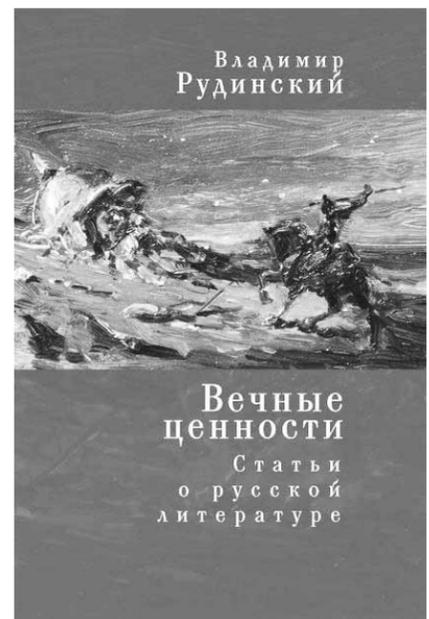
Книга «Страшный Париж» была переиздана вскоре в России; затем, если я правильно понял, она выдержала здесь ещё одно издание. А недавно в России появился и большой том Владимира Рудинского - Даниила Петрова «Вечные ценности», в котором собраны лучшие из его литературоведческих и лингвистических статей и заметок.

Надеюсь, что и те другие сто рассказов, о которых писал мне их автор и которые не вошли в книгу «Страшный Париж», вскоре увидят свет в России.

Отрадно видеть, как человек, почти всю жизнь проживший вдалеке от горячо им любимой России, возвращается в страну - своими книгами.

И мне трудно понять некоторых наших соотечественников, - нет, не тех, для кого генерал Власов только «предатель», а Сталин - «православный», с этими всё понятно... Речь о других, которым, скорее всего, обидно за нелестную оценку их творчества неутомимым тружеником пера Владимиром Рудинским.

Владимир Гудзенко

Цифровой концлагерь

От жителей Москвы и Подмоскovie для того, чтобы перемещаться по столице, требуют получать на сайте мэрии так называемый QR-код для каждого выхода из дома, включая поход в магазин, прогулки с собаками и вынос мусора.

Горожанам надо подавать заявки на выход из дома, чтобы совершать “длительные разовые/периодические поездки по городу или за город”. Речь идет о поездках в поликлинику, на дачу, либо к родственникам. В заявках нужно указывать адрес назначения. Граждане, которым нужно ходить на работу, могут перемещаться из своих квартир до офисов, а право передвигаться без ограничений получают лишь обладатели “заданных групп удостоверений”, включая сотрудников силовых ведомств, правительства, столичной мэрии, Госдумы и Совета Федерации.

Чтобы получить разрешение на выход из дома, всем москвичам, кроме обладателей удостоверений, нужно иметь регистрацию на портале правительства Москвы. В личном кабинете требуется указать “фактическое место жительства”, “домашний район” и прикрепить свою фотографию.

После верификации, за которую будет отвечать департамент информационных технологий (ДИТ) и другие ведомства, заявитель получает одноразовый QR-код, который можно будет распечатать или сохранить на смартфоне. Только после этого гражданин сможет покинуть квартиру. В случае оформления разрешения на поездку на личном транспорте потребуется указать номер автомобиля. Также в материалах указано, что для получения кодов, позволяющих доехать до офиса, сайтом мэрии должен воспользоваться работодатель.

Как наказывают нарушителей? Используют патрули полиции и Росгвардии, данные сотовых операторов о перемещениях граждан, записи уличных и установленных в подъездах и транспорте видеокамер, информацию об использовании банковских карт.

Патрули смогут штрафовать нарушителей и доставлять их домой, но также речь идет и об автоматическом выписывании штрафов на основе данных видеосистем.

Это – цифровой концлагерь. Только дураку или человеку сверхнаивному не ясно, что эти меры не имеют ничего общего с борьбой с вирусом. Власти фактически создают цифровой концлагерь, не имеющий отношения к контролю за соблюдением карантина. И наверняка захотят сохранить его после того, как будет отпраздновано о победе над вирусом.

Даже либералы завопили: “Это, вообще, за рамками всего разумного и законного. Москва не Коголым! Люди – не олени! Их нельзя маркировать и держать в загоне, как бы того не хотел пастух”, – написал ведущий юрист С. Дарбинян. Но в том то и дело что люди в РФ давно для властей – ниже оленей. Просто либералам долго было удобно делать вид, что они этого не понимают.

Н. Греков

БЕЖЕНСКИЕ СКИТАНИЯ К КОНЦУ ВОЙНЫ

Шёл 1944-й год. Мне было 11 лет. На поезде приехали в Ванген, провинция Альгау, которая граничит с Баварией; в югозападной части Германии. Из Белграда мы попали прямо в Матгаузен, где находился концлагерь и где мы пробыли приблизительно около трёх месяцев. Жили в палатках на сто человек. Оттуда нас пассажирским поездом перевезли в Крумау, Чехия и там мы прожили шесть месяцев – всю зиму и часть весны.

По чешски этот город назывался Крумов. Отцу удалось в городе снять комнату в двухэтажном доме. И там же нам выдали продовольственные карточки.

После голодной Югославии нам это показалось настоящим богатством. Отцу пришлось идти в Arbeitsamt, где его устроили на работу на каком то складе. А меня послали учиться в немецкую гимназию. Мне было трудно учиться по немецки, я тогда ещё не знал этого языка. Все учащиеся немецкие мальчишки относились ко мне с издевкой. Зная что я русский, лезли ко мне в драку и у меня были стычки с ними.

Недалеко от Крумау находился лагерь военнопленных сербов. Жили они довольно льготно, у них охранниками были немцы-старички. Некоторые из них выезжали на сани в город на работы, а позже, весной, на фургонах. Я подошёл к одному из сербов и заговорил с ним по сербски. Он прокатал меня на санках. На следующий день я опять вскочил на его сани, но тут он показал своё настоящее лицо. Выругал меня и погрозил, что побьёт кнутом. Другие, которые ездили на фургонах, ко мне не придирались, хотя и знали, что я русский. Когда меня спрашивали «ко си ти?» Я отвечал, что русский из Белграда.

В одной из немецких конюшень я познакомился с одним советским пленным. Он опасался своего стражника, который с ним был груб. Там, недалеко от Крумау также находился и лагерь для пленных «остовцев». Они носили на рукаве надпись Ostarbeiter. В городе отец тоже познакомился с несколькими подсоветскими военнопленными.

Как то раз я проехался на грузовике, которым правил чех, а в подмогу ему был серб, и оба они оказались коммунистами, хвалили Тито и Сталина.

Отцу нелегко было на работе. Мало кто из немцев понимал разницу между Weiss-Russen и красными. Но и среди немцев были хорошие люди. Когда я потерял карточки, немки работавшие на раздаче молока, давали мне его без карточки. А один молодой немец сказал мне придти в пекарню, где он работал, и дал мне карточки на 20 хлебов и на булочки.

Однажды на улице проходя мимо, меня толкнул мальчишка в форме Hitlerjugend. Я повернулся и ударил его в грудь кулаком. Он упал и поднявшись побежал к своей матери. Они жили недалеко от нас и его мать потащила меня в участок полиции. Там был старик полицейский. Для профформы он чуть-чуть прикоснулся своим сапогом к моему мягкому месту и выставил на улицу, что-то пробормотав.

Через Крумау протекала река Moldau. Она была покрыта льдом и я с группой мальчишек несколько раз перебежал по льду на другой берег.

Один литовец, увидевшему партию потому что у него в петличке был

значёк, зная что я русский, начал кричать по русски, чтобы я больше этого не делал и пожаловался моей матери. Мать была в ужасе.

Однажды в парикмахерской отец познакомился с господином по фамилии Шульга. У него была жена и сын 16-ти лет. Сам он был типичным одесситом; выдавал себя за капитана дальнего плавания.

Он стал часто приходить к нам со своим сыном. Мой отец понимал, что он блефует, но благодаря его находчивости и помощи его сына нам удалось выбраться из Крумау.

Отец заболел плевритом с высокой температурой, изнемогал от болезни, как раз когда мы должны были покинуть Крумау, ибо уже была весна 45-го года и мы не знали кто сюда придет.

В дороге на запад куда мы направлялись, господин Шульга умудрялся как то доставать питание. Помню, в каком то городке выдавали продуктовые карточки и он, переодеваясь, становился несколько раз в очередь, чтобы их получить. А иногда доставал хлеб совсем без карточек. Надо же додуматься! А без этого человека мы бы погибли.

И так мы доехали до Вангена, в область Альгау. Там мы встретились с корпусником Лермонтовым, потомком известного поэта; с ним мы были знакомы еще по Белграду.

В Вангене первое время мы ютились по разным убежищам, спали на сене. Господину Шульге пришла мысль пойти в ближайшее село. Там он подкупил табаком зажиточного бауэра и он предоставил нам беседку, где мы устроились и жили полгода. К счастью уже была весна, война еще продолжалась, но подошла к концу. В последние дни войны в эту деревню вошли военные части SS. Мне запомнился высокий блондин, лейтенант с голубыми глазами, начальник этого отряда. Их было около 50 человек.

Я вышел в деревню и смотрел на них. На главной дороге уже шли французские танки, деревня была сбоку, и видимо эта часть немцев хотела пробиться через лес в обход этим танкам, что им и удалось. Мы все облегченно вздохнули потому что французские танки могли нас обстрелять.

Один раз из этой деревни я с отцом пошли в Ванген. Дорога шла по ложбине. И вдруг налетел французский Tiefflieger, низко летающий аэроплан, который обстреливал из пулемета население. Отец закричал, «беги в лес!» Мы побежали и спрятались в нём.

Однажды мы оказались во время обстрела в проходе между двумя домами. Увидев нас, лётчик сделал поворот и вернулся чтобы обстрелять. Отец прикрыл меня собой. Я выглянул из под руки отца и увидел как аэроплан опять вернулся чтобы снова нас обстрелять. Мне все это было интересно.

7-го мая 45 го года, проснулись из-за стрельбы. Вскочили, думали что нас обстреливают, а оказалось, что это французы празднуют окончание войны.

Вскоре кто-то сказал, что в Вангене открыт магазин и можно брать сыр. Я пошёл туда с мальчишками и действительно увидел как взрослые немцы и дети катили круги швейцарского сыра по улице. Я тоже выбрал большой такой круг и прикатил его к нам. Никто меня не остановил, не отнял это добро. Несколько дней я ел этот сыр и объелся. Мне давали свечку чтобы облегчить

боли в желудке. Это наверное просто был грабёж, а не раздача!

Ванген находится в очень живописной лесистой местности, вокруг которой много озёр. Там была довольно большая колония русских беженцев. Я поступил учиться в гимназию. Двухэтажный дом, где отец снял конату, была бывшая гостиница и там жило много русских семей. Мои родители хорошо знали и немецкий и французский, и отец устроился на работу к французам в магазин под опекой «УНРА». Мы оказались во Французской зоне Германии.

В этом магазине раздавали продукты беженцам разных национальностей. Начальствующие французы были преимущественно бывшие партизаны Сопротивления – маки и они наживались на продуктах. Отец всё это видел, но не мог ничего сказать. Одного русского из Парижа, который был заведующим магазином обвинили в воровстве и он был страшно избит французской жандармерией. Кончилось дело тем, что он добровольно уехал в СССР.

Редко когда попадались хорошие начальники среди французов, но были и такие. Один француз, по фамилии Ларош, прекрасно говорил по русски и хорошо относился к русским беженцам.

В угоду Сталину, Рузвельт и Черчилль отдавали русских, в первую очередь власовцев, казаков, оstarбайтеров, на расправу. Происходила выдача всех русских патриотов после договора в Тегеране, Ялте, Потсдаме, буйствовала насильственная репатриация, то есть выдача всех русских находившихся на территории Германии, включая и старых эмигрантов. Мои родители тоже оказались в списках выдачи.

Один румын ходил с советскими чекистами по улицам и пальцем показывал на русских. Между прочим, он скоро исчез... Уже смеркалось когда к нам в гости пришла мадам Лермонтова. Не прошло и сорока минут как кто-то сильно постучался в дверь. Я открыл дверь, и к нам в комнату вошёл чекист в форме с женщиной-чекисткой, также в форме и с наганами, и с ними французский лейтенант.

Чекист бесцеремонно стал обращаться с моей матери на “ты”. Ему было лет 45, а женщина была молодая. Он начал задавать вопросы по русски, а мать отвечала ему по сербски. Мадам Лермонтова отвечала ему по русски. Я воспользовался тем что на меня никто обращает внимания, вынырнул из комнаты и побежал за отцом на его работу, застал его там и сообщил что случилось. Отец побледнел, сказал что-то своему начальнику и быстро пошёл большими, широкими шагами. Я едва поспеивал за ним.

Войдя в комнату отец начал сразу разговаривать с французом-лейтенантом по французски. Молодая чекистка переводила чекисту весь разговор. Отец показал французскому документ, говорил, что мы не подлежим репатриации так как мы из Югославии, где прожили 23 года, мы старые эмигранты. Наконец они все ушли.

Мне в память врезалась наружность этого чекиста, он был высокий, хорошо сложен. Его круглое лицо, холодные светлые глаза, и красная звезда на лбу, запомнились мне на всю жизнь. Я бы узнал его и сейчас, если бы увидел его.

Граф А. Коновницын

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

11

Четвертый выход отряда – 3

Приближаясь к Сангарскому проливу на отряде чувствовалось беспокойство постоянными запросами адмирала о количестве остающегося угля. Нас это на «Рюрик» нисколько не беспокоило, так как при наших котлах и громадном запасе топлива, мы могли ещё совершить несколько раз подобное путешествие. Но не так обстояло дело на «России» и на «Громобое», где запас топлива приближался к концу, а ещё ошибка «Громобоя» в своих утренних рапортах ввела в заблуждение адмирала, который рассчитывал на большую цифру запаса на нём топлива и это заставляло его нервничать.

Давались по радио различные маршруты, то идти через Сангарский пролив, то идти на Сахалин; наконец адмирал решил дать курс на Сахалин через 4-й Курильский пролив. Следуя четвёртые сутки в густом тумане, мы невольно подтянули строй, прижавшись к туманным кильватерным буйкам, выпускаемым передними мателотами на два кабельтова за корму и по которым мы уже имели хорошую практику держаться в отряде.

По расчёту плавания и счислению, мы минули Сангарский пролив и поднимались далее на север, как вдруг ночью адмирал делает условный сигнал сиреной — поворот последовательно на 16 румбов, то-есть на обратный курс. Это выполняется исправно, за исключением нашего приза парохода «Арабия», который, как потом оказалось, не слышал сигнала и продолжал идти своим курсом дальше на север.

Какие были причины такой нерешительности адмирала, нам на «Рюрик» было не известно, но ясно, что без причины, потратив зря столько угля, опять на обратный курс, адмирал бы не лёг.

Потом выяснилось, что благодаря туману мы уже давно не имели обсервации своего места, и не доверяя счислению, адмирал не рисковал вести крейсера через не широкие проливы между Курильскими островами, проходя через которые из-за сильного течения и постоянного тумана представлял значительную опасность для плавания по сравнению с таким же через Сангарский пролив, вот что и заставило адмирала переменить свой маршрут.

Но и в Сангарский пролив со стороны Тихого океана попасть было делом не лёгким. К утру мы подошли по счислению к Сангарскому проливу; туман был так густ, что мы не видели переднего мателота, но можно было ожидать, что погода исправится, солнце начало пробивать верхний слой тумана и мы, ожидая, когда лучи его согреют берега, отгоняют туман от них, продолжали ощупью приближаться к берегу. Вдруг, как по мановению

волшебного жезла, полоса тумана поднялась над водой и под ней открылся ярко освещённый пляж берега с усевшимся на нём небольшим японским пароходом, не попавшим в пролив, вход в который оказался в полу-миле севернее и сейчас начало очищаться.

Задерживаться было безрассудно и надо было торопиться, пользуясь прояснением погоды, чтобы войти в пролив и проскочить в Японское море. Ход прибавили до полного и пошли форсировать пролив. Тут же выяснилось, что мы потеряли свой приз «Арабию», отбившуюся от нас при повороте. Положение наше было не из завидных.

На больших крейсерах угля оставалось очень мало, освещения местности — никакого, и у всех родилась мысль, что при выходе в Японское море, более чем вероятно, сторожит нас Камимура со всем своим флотом, чтобы дать нам бой. Но другого выхода не было, как идти на авось вперёд.

Окончательно прояснилась погода, мы полным ходом, как и первый раз, выбирая путь по сулюю, проходили мимо Хокодате. На этот раз японцы не спали, хотя их батареи и не открывали огня, но из гавани сейчас же вышло старое учебное судно, трёх мачтовый рангаут, который был убран по боевому. Маневрируя около порта, он открыл частый огонь из своих устаревших орудий, давая страшно большие недолёты.

А из бухты Аомори на острове Ниппон, где у них была минная станция, полным ходом вышел в атаку на нас один старый минный крейсер, надрываясь из сил, чтобы хотя сколько-нибудь догнать наш отряд, но безуспешно. Оба неприятельских судна были на хороших прицельных углах наших рюриковских кормовых 8'' орудий при дистанции во 30-50 кабельтовых, напрашиваясь, чтобы их угостить метким залпом, однако сигнал адмирала, по каким-то высшим соображениям воспретил открывать огонь.

При выходе из пролива в Японское море мы вздохнули спокойной грудью: никакой ловушки нам не подстроено, а обследование горизонта не дало на нём никакого присутствия судов. Когда берега стали скрываться, перешли на экономический ход.

Адмирал для очистки совести сдёлал общий сигнал «Ночью можно ожидать минной атаки» и мы направили свой путь домой, к Владивостоку, в предвкушении заслуженного отдыха и освежения после утомительного, и с физической и с нравственной сторон, крейсерства.

Не знаю, был ли адмирал осведомлён, приближаясь к заливу Петра Великого, что наш подход к Владивостоку безопасен и неприятель не ожидает нас там, но только мы не особенно сочувственно отнеслись к его вечернему сигналу, которым приказывалось всем крейсерам с наступлением темноты произвести испытание принятых на отряд крепостных светящихся ракет для отражения миноносцев. Такую иллюминацию мы и произвели среди ночи.

Жаль, что этими ракетами мы не были снабжены в наш предыдущий поход, так как результаты их были очень хороши по освещению местности в смысле видимости и площади освещения. Тогда, быть может, при атаке нас японскими миноносцами, удалось бы нанести им больший ущерб. К рассвету мы благополучно подходили к Владивостоку и высмеивали крейсер «Громобой», который выражал семафором своё сомнение, что у него хватит угля дойти до бочки в Золотом Роге, но это было уже не страшно, а комично, ибо по сигналу из порта, могли быть высланы ему на помощь буксиры. Однако, до такого конфуза дело не дошло: подмели до чиста угольные ямы и все встали на бочки, закончивши этот наш самый продолжительный и длинный за войну поход, сделав 2.580 морских миль.

Через два дня во Владивосток так же благополучно пришёл и наш приз «Арабия», которая действительно не слышала ночного условного сигнала сиреной о повороте, и согласно ранее полученной инструкции прошла на Сахалин, приняла нужное количество угля и пришла к месту назначения, совершив 400 миль крюку.

По возвращении домой мы застали крейсер «Богатырь» уже снятым с камней и находящимся в сухом доке, почему наш отдых обещал быть спокойным и особенно весёлым.

Невольно напрашивается вопрос,

почему же более сильный противник был столь инертен в своих действиях во время этой нашей прогулки?

Как потом удалось выяснить, эта инертность была лишь кажущейся для нас. В действительности адмирал Камимура бросался в разные стороны, чтобы встретиться с нами, но злой рок невезения делал неудачными все его начинания. Он подходил и к Владивостоку, но после нашего ухода; был он и в Сангарском проливе, но после нашего прохода; не рискуя в успехе найти нас в Великом океане, следуя в догонку, он был уверен, что крейсера следуют на соединение с Артурской эскадрой, обойдя Японию и вот он спешил через Японское море обратно в своё Средиземное, чтобы выйти через него нам навстречу, так как одна только мысль пропустить крейсера в Порт-Артур, повергала его в отчаяние, ибо он, поставленный на страже в Японском море, именно для этой цели разъединения наших сил, не выполнил бы тем свою прямую задачу.

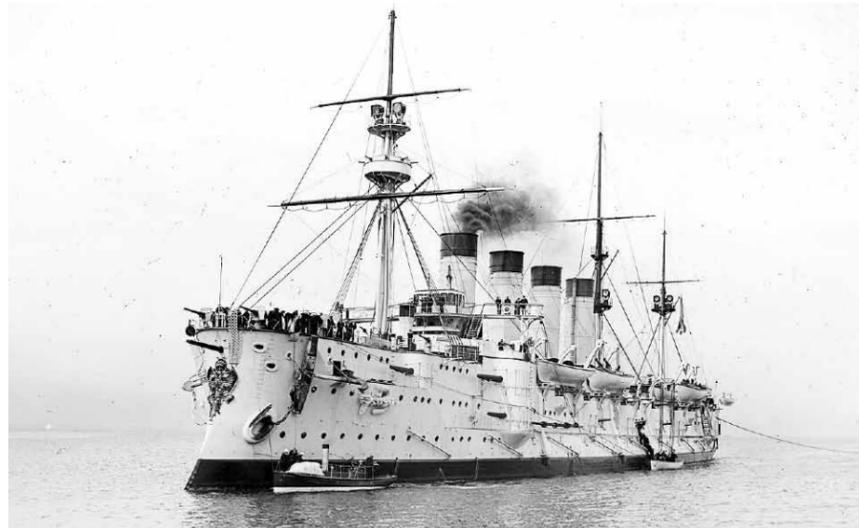
Задержавшись несколько для пополнения угля, он приходит к месту потопления нами «Найт-Командера» с опозданием и следует вдоль японских берегов к северу, в то время, когда мы идём тем же параллельным с ним курсом, но в большем отдалении от берегов. Затем, по каким-то неизвестным причинам, Камимура, не доходя до Сангарского пролива поворачивает обратно, а мы, почти обескровленные отсутствием угля, в то время спокойно выходим через пролив в Японское море для следования во Владивосток.

Не трудно себе представить ту картину, которая получилась бы, если бы японцы были осведомлены или догадывались о нашем маршруте. Совершенно ясно, что при выходе отряда через Сангарский пролив в Японское море была наилучшая позиция для Камимуры, наконец, поймать нас и дать бой, имея все преимущества, или на худший случай поджидать нашего возвращения в пределах вод залива Петра Великого. Но так или иначе, и на этот раз, удача ему не сопутствовала, оставив нашу, если можно так выразиться, военную наглость, безнаказанной.

За этот поход, мы успели привыкнуть к новому адмиралу, высшее командование осталось довольным его действиями и на этот раз дальнейшей смены начальника отряда не предвиделось, а молодёжь в береговых салонах уже успела дать прозвище новому адмиралу: «Карла Смелая». На крейсера были поданы баржи с углём и началась обычная грязная работа погрузки угля и приём материалов из порта.

Личный состав освежился на берегу, а адмирал Камимура, вероятно, страдал печенью, переживая все свои неудачи и не предвидел бы того, что так скоро, всего через несколько дней, фортуна счастья боевого обернёт своё лицо в его сторону.

(продолжение следует)

Крейсер "Громобой". Фотография 1901 года.